

И. А. Куприн

Ключевая проблема урока:

ответ на вопрос, которым мучается княгиня Вера:

«И что это было: любовь или сумасшествие?»

Задача:

- 1) постичь идейно-художественный замысел писателя,
- 2) проникнуть в мир его образов.

Первый этап урока посвящен актуализации мотивационных ресурсов ученика.

Цель:

- Вызвать лично значимые переживания;
- Затронуть личные потребности и интересы подростков;
- Побудить к поиску ответов на свои жизненные вопросы в художественном тексте.

Задание:
Как бы вы ответили на вопрос,

которым мучается княгиня Вера:

«И что это было: любовь или сумасшествие?»

«И что это было: любовь или сумасшествие?»

Второй этап урока: анализ текста.

Цель:

- Создание единого ценностно-смыслового поля, эмоционально-психологической атмосферы искренности и доверия.

**Дайте свое определение любви,
продолжив одну из фраз:**

«Любовь - это ... »,

«Любить - это ... »,

«С любви начинается ... »

«Любовь одна дороже богатства,
славы и мудрости ... дороже самой жизни,
потому что даже жизнью она не дорожит
и не боится смерти»

А.И.Куприн.

Для многих героев Куприна любовь становится трагедией.

Анализ рассказа А.И.Куприна

«Гранатовый браслет»

1) Прочитайте начало первой главы.

Почему рассказ открывается таким пейзажем? О чем он нам напоминает?

Почему на именины Веры Николаевны установилась хорошая погода?

Чем художественный смысл этой детали?

Попытайтесь понять авторский замысел.

2) Поговорим о Вере Николаевне.

Какой она предстает перед нами в начале рассказа?

Куприн не дает развернутого, подробного описания внешности

Веры Николаевны, в отличие от ее сестры Анны. Попробуйте представить ее облик в деталях: черты лица, прическу, платье, походку и. д.

Нарисуйте ее словесный портрет.

3) Какое впечатление произвел на вас эпизод с альбомом?

Почему оно неприятное?

4) О какой любви Аносов говорит Вере Николаевне?

Когда мы впервые узнаем об этом?

5) Прочитайте описание гранатового браслета. Как вы думаете, почему

Желтков дарит Вере Николаевне именно браслет, а не цветы, цепочку, кольцо?

6) Поговорим о Желткове.

Как вы относитесь к Желткову? Какие чувства вызывает у вас этот персонаж?

Как писатель относится к своему герою? Жалок он или велик в своей любви?

Вспомните сцену посещения бедного телеграфиста князем Шеиным и

Тугановским. Каким нам представляет Желткова Куприн? Сравните поведение Желткова а и Тугановского. Кто в этой ситуации одерживает победу? Почему?

- 7) Обратимся к последнему [письму Желткова](#). Оно прекрасно, как поэма, и убеждает нас в искренности и силе его чувства. Чем письмо Желткова созвучно [стихотворению А.С.Пушкина «Я вас любил»](#).
- 8) Герой кончает жизнь самоубийством. Обратимся к [эпизоду прощания](#) Веры Николаевны с Желтковым, перечитаем текст. Что увидела Вера, всматриваясь в его лицо? «Умиротворенное выражение как на масках великих страдальцев Пушкина и Наполеона» - случайно ли это сравнение? О чем оно говорит?
- 9) В основу рассказа положена [реальная история](#), у героев «Гранатового браслета» есть прототипы, только в действительности не было самоубийства. Почему Куприн ввел в свой рассказ трагический финал? Попытайтесь понять замысел писателя, увидеть картину жизни его глазами.
- 10) **Кульминационная сцена** рассказа - эпизод, когда Вера слушает гениальное произведение Бетховена [«Son. №2, Largo Appassionato»](#), которое завещал ей послушать Желтков. Людвиг Ван Бетховен - великий немецкий композитор так сказал о музыке: «Музыка должна высекать огонь из людских сердец». В знаменитой сонате раскрывается личная драма самого Бетховена из-за невозможности союза с женщиной, которую композитор глубоко и страстно любил. Поэтому, наверное, невозможно остаться равнодушным к такой музыке. Что понимает и постигает княгиня Вера, слушая сонату? Прослушайте сонату и постарайтесь почувствовать, какой огонь зажгла эта музыка в вашем сердце. Что вы поняли, что представили, слушая эту великую музыку?

Куприн плакал над рукописью «Гранатового браслета». Он говорил, что ничего более целомудренного еще не писал. Такое же очищающее и просветляющее чувство оставляет в душе рассказ Куприна и у нас, сегодняшних читателей. Это свойство большой литературы, классического произведения искусства слова.

«В середине августа, перед рождением молодого месяца, вдруг наступили отаратительные погоды, какие так свойственны северному побережью Черного моря. То по целым суткам тяжело лежал над землею и морем густой туман, и тогда огромная сирена на маяке ревела днем и ночью, точно бешеный бык. То с утра до утра шел, не переставая, мелкий, как водяная пыль, дождик, превращавший глинистые дороги и тропинки в сплошную густую грязь, в которой увязали надолго возы и экипажи. То задувал с северо-запада, со стороны степи свирепый ураган; от него верхушки деревьев раскачивались, пригибаясь и выпрямляясь, точно волны в бурю, гремели по ночам железные кровли дач, и казалось, будто кто-то бегают по ним в подкованных сапогах, вздрагивали оконные рамы, хлопали двери, и дико завывало в печных трубах».

Домашнее задание:

Письменный ответ на вопрос, которым мучается княгиня Вера:

«И что это было: любовь или сумасшествие?»

«Но к началу сентября погода вдруг резко и совсем неожиданно переменилась. Сразу наступили тихие безоблачные дни, такие ясные и теплые, каких не было даже в июле. На обсохших сжатых полях, на их колючей желтой щетине заблестела слюдяным блеском осенняя паутина. Успокоившиеся деревья бесшумно и покорно роняли желтые листья».

«Старшая, Вера, пошла в мать, красавицу англичанку, своей высокой гибкой фигурой, нежным, но холодным и гордым лицом, прекрасными, хотя довольно большими руками и той очаровательной покатостью плеч, какую можно видеть на старинных миниатюрах... Вера же была строго проста, со всеми холодно и немного свысока любезна, независима и царственно спокойна».

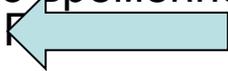
«...А где же любовь-то? Любовь бескорыстная, самоотверженная, не ждущая награды? Та, про которую сказано – «сильна, как смерть»? понимаешь, такая любовь, для которой совершить любой подвиг, отдать жизнь, пойти на мучение – вовсе не труд, а одна радость... Любовь должна быть трагедией. Величайшей тайной в мире! Никакие жизненные удобства, расчеты и компромиссы не должны ее касаться... почему знать? – может быть, твой жизненный путь, Верочка, пересекла именно такая любовь, о которой грезят женщины и на которую больше не способны мужчины».

«Под бумагой оказался небольшой ювелирный футляр красного плюша, видимо только что из магазина. Вера подняла крышечку, подбитую бледно-голубым шелком, и увидела втиснутый в черный бархат овальный золотой браслет... Он был золотой, низкопробный, очень толстый, но дутый и с наружной стороны весь сплошь покрытый небольшими старинными, плохо отшлифованными гранатами. Но зато посередине браслета возвышались, окружая какой-то странный маленький зеленый камешек, пять прекрасных гранатов-кабошонов, каждый величиной с горошину. Когда Вера случайным движением повернула браслет перед огнем электрической лампочки, то в них, глубоко под их гладкой яйцевидной поверхностью, вдруг загорелись прелестные густо-красные живые огни. «Точно кровь!» - подумала с неожиданной тревогой Вера».

«Я не виноват, Вера Николаевна, что богу было угодно послать мне, как громадное счастье, любовь к Вам. Случилось так, что меня не интересует в жизни ничто: ни политика, ни наука, ни философия, ни забота о будущем счастье людей – для меня вся жизнь заключается только в Вас. Я теперь чувствую, что каким-то неудобным клином врезался в Вашу жизнь. Если можете, простите меня за это. Сегодня я уезжаю и никогда не вернусь, и ничто Вам обо мне не напомнит. Я бесконечно благодарен Вам только за то, что Вы существуете. Я проверил себя – это не болезнь, не маниакальная идея – это любовь, которую богу было угодно за что-то меня вознаградить. Пусть я был смешон в Ваших глазах и в глазах Вашего брата, Николая Николаевича. Уходя, я в восторге говорю: «Да святится имя Твое». Восемь лет тому назад я увидел Вас в цирке в ложе, и тогда же в первую секунду я сказал себе: я ее люблю потому, что на свете нет ничего похожего на нее, нет ничего лучше, нет ни зверя, ни растения, ни звезды, ни человека прекраснее вас и нежнее. В Вас как будто бы воплотилась вся красота земли... Подумайте, что мне нужно было делать? Убежать в другой город? Все равно сердце было всегда около Вас, у Ваших ног, каждое мгновение дня заполнено Вами, мыслью о Вас, мечтами о Вас... сладким бредом. Я очень стыжусь и мысленно краснею за мой дурацкий браслет, - ну, что же? – ошибка. Воображаю, какое он впечатление произвел на Ваших гостей. Через десять минут я уеду, я успею только наклеить марку и опустить письмо в почтовый ящик, чтобы не поручать этого никому другому. Вы это письмо сожгите. Я вот сейчас затопил печку и сжигаю все самое дорогое, что было у меня в жизни: Ваш платок, который, я признаюсь, украл. Вы его забыли на стуле на балу в Благородном собрании. Вашу записку, - о, как я ее целовал, - ею Вы запретили мне писать Вам. Программу художественной выставки, которую Вы однажды держали в руке и потом забыли на стуле при выходе... кончено. Я все отрезал, но все-таки думаю и даже уверен, что Вы обо мне вспомните. Если Вы обо мне вспомните, то... я знаю, что вы очень музыкальны, и я вас видел чаще всего на бетховенских квартетах, - так вот, если вы обо мне вспомните, то сыграйте или прикажите сыграть сонату D-dur № 2, ор. 2. Я не знаю, как мне кончить письмо. От глубины души благодарю Вас за то, что Вы были моей единственной радостью в жизни, единственным утешением, единой мыслью. Дай вам бог счастья, и пусть ничто временное и житейское не тревожит Вашу прекрасную душу. Целую ваши руки.

Я вас любил: любовь еще быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренне, так нежно,
Как дай вам Бог любимой быть другим.

«В период между первым и вторым своим замужеством моя мать стала получать письма, автор которых, не называя себя и подчеркивая, что разница в социальном положении не позволяет ему рассчитывать на взаимность, изъяснялся в любви к ней. Письма эти долго сохранялись в моей семье, и я в юности читал их. Анонимный влюбленный, как потом выяснилось – Желтый (в рассказе Желтков), писал, что он служит на телеграфе (у Куприна князь Шеин в шутку решает, что так писать может только какой-нибудь телеграфист), в одном письме он сообщал, что под видом полотера проник в квартиру моей матери, и описывал обстановку (у Куприна Шеин опять-таки в шутку рассказывает, как Желтков, переодевшись трубочистом и вымазавшись сажей, проникает в будуар княгини Веры). Тон посланий был то выпендренный, то ворчливый. Он то сердился на мою мать, то благодарил ее, хоть она никак не реагировала на его изъяснения... Вначале эти письма всех забавляли, но потом (они приходили чуть ли не каждый день в течение двух-трех лет) моя мать даже перестала их читать, и лишь моя бабка долго смеялась, открывая по утрам очередное послание влюбленного телеграфиста. И вот произошла развязка: анонимный корреспондент прислал моей матери гранатовый браслет. Мой дядя...и отец, тогда бывший женихом моей матери, отправились к Желтому. Все происходило не в черноморском городе, как у Куприна, а в Петербурге. Но Желтый, как и Желтков, жил действительно на шестом этаже. «Заплеванная лестница, - пишет Куприн, - пахла мышами, кошками, керосином и стиркой» - все это соответствует слышанному мною от отца. Желтый ютился в убогой мансарде. Его застали за составлением очередного послания. Как и купринский Шеин, отец больше молчал во время объяснения, глядя «с недоумением и жадным, серьезным любопытством в лицо этого странного человека». Отец рассказал мне, что он почувствовала Желтом какую-то тайну, пламя подлинной беззаветной страсти. Дядя же, опять-таки как купринский Николай Николаевич, горячился, был без нужды резким. Желтый принял браслет и угрюмо обещал не писать больше моей матери. Этим все и кончилось. Во всяком случае, о дальнейшей судьбе его нам ничего не известно». (Л.Любимов. На чужбине, 1963)

